

Андрей Иванович Желябов

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А65

А65 Андрей Иванович Желябов / – М.: Книга по Требованию, 2012. – 74 с.

ISBN 978-5-458-14532-9

Биографический очерк об А.И. Желябове. Издание Carouge-Genève (Швейцария), Elpidine, 1899 года

ISBN 978-5-458-14532-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

дѣдъ по матери, Гаврило Тимоф. Фроловъ, женился на вольной козачкѣ, Акулинѣ Тимофѣевнѣ. Въ Крыму Штейнъ роздалъ крестьянъ въ приданное дочерямъ, иныхъ продалъ.

Семейства Желябовыхъ и Фроловыхъ пошли въ разныя руки. Первое за дочью Штейна перешло Нелидову, отъ котораго и освобождено въ 1861 г. Второе досталось куплей греку, малоазіатскому выходцу, Лампси, разбогатѣвшему продажей табуновъ лошадей, за деньги вышелъ въ дворяне съ правомъ имѣть крѣпостныхъ. Отъ этого Лампси семейство Фроловыхъ за дочью его перешло къ Лоренцову, отецъ котораго — тоже выходецъ греческій — былъ простымъ каменьщикомъ, изготовлялъ надгродные памятники, разбогатѣлъ таинственно, сына обучилъ, опредѣлилъ на службу и купилъ дворянство. Отъ Лоренцовыхъ семейство Фроловыхъ освобождено въ 1861 г. Всѣ члены семейства Желябовыхъ и Фроловыхъ исполняли разныя дворовыя службы: такъ, отецъ мой былъ отданъ въ обученіе садовнику нѣмцу, дядя (Желябовъ) поварь, тетка (Желябова) фрейлина, дядя (Фроловъ) лакей, тетя (Фр.) горничная. Имѣніе Нелюдова — Султановка (первая почтовая станція отъ К. К. Феодосіи, Феодосійскаго уѣзда, въ

23 верст. отъ Керчи). Имѣніе Лампси называется Ашбель (Феодос. уѣзда). Имѣніе Лоренцовыхъ, въ 16 верстахъ отъ Феодосіи, называлось Кашка-Чекракъ Помѣщикъ Нелидовъ, состоя на военной службѣ, проживалъ въ Симферополѣ. Отцу по дѣламъ экономіи приходилось часто ѣздить изъ Султановки въ Симферополь, обязательно черезъ Ашбель (третья станція по той же К. Феодос. дорогѣ). Здѣсь приглянулась ему моя мать, дочь Фролова. Послѣ многихъ приключеній, отецъ мой, платившій помѣщику Нелидову, по тому времени, большой оброкъ, за нахождение въ услуженіи у южнобережнаго садовода нѣмца, — упросилъ Нелидова купить Варвару Гавриловну, мою мать. Купля состоялась. Часто отецъ, понукая мать, говоритъ и теперь: „Поварачивайся! вѣдь стоишь 500 руб. и *пятакъ мѣдный*“ (точная цѣна).

Послѣ женитьбы отца, семейство Фроловыхъ за дочерью Лампси переѣхало въ Кашки-Чекракъ. Всѣ члены семейства получили обязанность при дворѣ, дѣду за выслугой предоставлена свобода отъ обязательной работы; онъ жилъ съ бабкой, Ал. Тим. на птичьемъ дворѣ, стоявшемъ особнякомъ (вѣдомство бабѣ). Здѣсь я провелъ дѣтство свое (отъ 4 до 8 л.).

Дѣдъ высокій, сѣдоволосый старикъ, всегда ходилъ въ длиннополомъ сюртукѣ рыжаго верблюжьяго сукна. Какъ теперь помню этотъ вѣчно задумчивый взглядъ, лицо, не знавшее улыбки, открытый лобъ, сѣдые кудри, падающія на воротникъ, румянецъ во всю щеку (въ 60—70 лѣтъ отъ роду) и громадную сѣдую бороду. На сколько понимаю, онъ вѣроятно зараженъ былъ раскольничьимъ духомъ: вѣчно возился со старыми книгами въ тяжелыхъ переплетахъ, дважды библию прочиталъ, какъ и теперь о немъ говорятъ въ семьѣ, желая высказать почтеніе. Это — мой учитель и воспитатель. У него я научился грамотѣ церковной, отъ него перенялъ многіе взгляды, поставившіе меня въ оппозицію съ семействомъ родителей, по возвращеніи къ нимъ. Только мать моя съ радостью выслушивала мои „глупости“, говоря: „не Желябовскій духъ, а Фроловскій! Не даромъ дѣдушка тебя Фроленкомъ называетъ“. Образъ дѣдушки для меня милѣе всѣхъ, потому я и остановился такъ на немъ. Ровно 25 лѣтъ назадъ дѣдушка, торжественно осѣнивъ меня крестнымъ знаменіемъ, посадилъ за книжку, говоря: „пора учиться! Прочти молитву, и пусть Господь поможетъ тебѣ, будешь учиться

— будешь человѣкомъ“. Училъ меня дѣдъ по старому — азъ, буки, вѣди, да еще съ титлами, но въ ученіе онъ влагалъ всю душу, и я къ 7—8 годамъ зналъ Псалтырь наизусть. Велика была радость дѣдушки, когда, отправляясь со мною гулять въ горы или въ лѣсъ рубить дрова, онъ говорилъ: „ну Фроленокъ, псаломъ такой-то!“ И Фроленокъ барабанилъ безъ ошибокъ. Тогда повсюду ждали воли, считали каждый день, но съ затаеннымъ дыханіемъ. Помѣщики, по словамъ дѣдушки (вѣрно или нѣтъ) хотѣли вымѣстить зло на послѣдокъ; завели шпіонство, пороли за всякую провинность. Помню, какъ бабушка, вѣчно плакавшаяся: и „зачѣмъ это пошла я въ неволю“! — на цыпочкахъ всегда прокрадывалась къ окошку вечеромъ, прислушаваясь, нѣтъ ли тамъ Полтара-Димитрія, прикащика и шпіона, прозваннаго за громадный ростъ „полтора“. Впослѣдствіи, до освобожденія, ему мой дядя Жел., проживавшій на оброкѣ близъ Кашки-Чекрака и чувствовавшій себя полувольнымъ человѣкомъ, за добродѣлель проломилъ голову. Что помѣщики пользовались властью до послѣднихъ дней, вотъ семейныя воспоминанія дѣтства моего: изъ дѣдушкина жилища я слыхалъ вопли

дяди Василя (лакея), когда пороли его на конюшнѣ.... О дѣтствѣ своемъ я никому не рассказывалъ, даже друзьямъ. Я помню, какъ позднею ночью моя тетя Люба (швея) прибѣжала въ нашъ домъ и рыдая повалилась дѣдушкѣ въ ноги. Я видѣлъ распущенныя косы, изорванное платье, слышалъ слова ея: „тятенька! миленькій тятенька, спасите!“ меня тотчасъ увели и заперли въ боковой комнатѣ. Слыша рыданія любимой тетки, я плакалъ и бился въ дверь, крича: „за что мою тетю обижаютъ“. Скоро послышались мужескіе голоса. Полтора-Димитрій съ людьми пришелъ взять Любу въ горницу. Голоса удалились. Что происходило тамъ я не знаю. Про меня забыли. Истомленный я уснулъ. На утро бабушка украдкой отирала слезы; дѣдушки не оказалось дома. По словамъ бабушки, онъ ушелъ въ городъ мнѣ гостинцевъ купить. Напрасно въ тотъ день сидѣли мы съ бабушкой на горѣ, надъ почтовой дорогой. Обыкновенно, увидавъ высокую фигуру дѣдушки и шапку на палкѣ, я бѣжалъ ему на встрѣчу версты за двѣ отъ горы. Дѣдушка бралъ меня на руки и подойдя къ бабушкѣ, оставлялъ меня и дѣлалъ приваль.

На этотъ разъ его не было двое сутокъ;

возвратился онъ какой то особенный. Впоследствии изъ разговоровъ старшихъ я узналъ, что помѣщикъ изнасиловалъ тетю, что дѣдушка ходилъ искать суда и воротился ни съ чѣмъ, такъ какъ помѣщикъ въ то же утро былъ въ городѣ. Я былъ малымъ ребенкомъ и рѣшилъ, какъ взрослому, убить Лоренцова. Обѣтъ этотъ я помнилъ и былъ подъ гнетомъ его до 12 лѣтъ. Намѣреніе мое было поколебленно словами матери: „всѣ они собаки — мучители“. Отецъ готовъ былъ идти на компромисы, но мать никогда.... Она и теперь дышетъ къ нимъ такой же ненавистью.

Сообщу еще нѣсколько голыхъ фактовъ. Одинъ мой дядя (братъ отца) отъ истязаній бѣжалъ за Дунай къ Некрасовцамъ; объ этомъ я только слышалъ, по тысячи разъ. Другой дядя (по отцу) отъ тѣхъ же радостей состоялъ въ бѣгахъ нѣсколько лѣтъ, былъ усыновленъ крестьяниномъ, ходилъ отъ него коробейникомъ, былъ случайно открытъ, какъ безпаспортный и въ кандалахъ возвращенъ помѣщику. Этотъ дядя, Цавель, былъ поваромъ до самаго освобожденія и прожилъ съ нами нѣсколько лѣтъ. Рассказывалъ все самолично. Отецъ не разъ дрожалъ, выслушивая:

„въ Сибирь мерзавца!“ Вся семья какъ то странно притихала и металась. Справедливость требуетъ признать, что Нелидовъ былъ мягокъ съ людьми, подъ давленіемъ жены своей — нашей собственницы. Восьми лѣтъ я переѣхалъ отъ дѣда въ Султановку къ роднымъ. Здѣсь въ одинъ изъ пріѣздовъ увидалъ меня Нелидовъ. Узнавъ что я обученъ грамотѣ, онъ далъ мнѣ книжку: она была гражданская. Но когда мнѣ дали разныя церковныя, пошѣщикъ погладилъ меня по головѣ и велѣлъ придти къ нему въ кабинетъ; здѣсь онъ самолично объяснилъ мнѣ гражданскую азбуку, и открылъ для меня цѣлый новый міръ, прочтя „Золотую рыбку“ Пушкина. Нелидовъ жилъ въ то время въ Керчи, туда же взялъ меня и опредѣлилъ въ приходское училище, откуда я перешелъ въ уѣздное. 1861 г. засталъ меня при переходѣ изъ I класса во II уѣзднаго училища.“*).

Въ это время Керченское уѣздное училище было преобразовано въ прогимназію, а затѣмъ

*) На этомъ обрываются свѣденія, сообщенныя Желябовымъ о своей жизни. Письмо писано кажется, въ Декабрѣ 1880 года или, во всякомъ случаѣ, около этого времени, я списалъ съ подлинника, который писанъ несомнѣнно рукой Желябова и хранится у меня до сихъ поръ.

— въ гимназію, сперва реальную, а потомъ классическую. Желябовъ сдѣлался, такимъ образомъ, вольнымъ и продолжалъ ученіе. Онъ былъ страшный шалунъ, но прекрасный товарищъ и учился очень хорошо. Въ то время Желябовъ былъ худенькій, какъ тросточка, высокій мальчикъ, совершенно не похожій на широкоплечаго, мускулистаго молодца, какимъ сталъ впоследствии. Вообще онъ развивался медленно. 17—18 лѣтъ онъ былъ еще совсѣмъ мальчикъ, умный, живой, веселый, очень симпатичный, но все таки мальчикъ. Товарищи его очень любили. Онъ всегда готовъ былъ „подсказать“ товарищу, сдѣлать за другаго задачу, написать сочиненіе и особенно постоять за другаго передъ начальствомъ. Нерѣдко приходилось ему за всякія такого рода штуки сидѣть въ карцерѣ, разъ его даже хотѣли исключить. Но учился онъ всегда хорошо. Особенно сильно сталъ онъ развиваться въ VI—VII классахъ, такъ что долженъ былъ кончить курсъ съ золотою медалью, но на выпускныхъ экзаменахъ, хотя сдалъ ихъ блистательно, онъ, изъ-за своего поведенія, удостоенъ былъ только серебрянной медали. Въ томъ же году (1868—1869) Желябовъ поступилъ въ Одесскій универси-

теть на юридическій факультетъ и съ пер-
ваго же курса исключень за демонстрацію
противъ профессора Богишича. Цѣлый годъ
пришлось ему просидѣть въ деревнѣ, а за
тѣмъ онъ поступилъ опять въ этотъ же уни-
верситетъ, гдѣ пробылъ до III курса (юрид.
факульт.).

Съ III же курса снова былъ исключень,
но не знаю хорошенько за что; кажется, по
случаю своего ареста или что-то въ этомъ
родѣ. Въ университетѣ Желябовъ работалъ
вообще очень много; жилъ уроками, зарабо-
тывалъ рублей 150 въ мѣсяць; помнится въ
1872—73 годахъ Желябовъ уже принималъ
участіе въ Одесскомъ кружкѣ, находившемся
съ тѣсной связи съ Петербургскими Чайков-
цами. Не знаю даже приблизительно подроб-
ностей жизни Желябова отъ этого времени
до 1877 года. Во всякомъ случаѣ онъ жилъ
то въ Одессѣ, то въ деревнѣ. Въ это же
время онъ женился и имѣлъ сына, также
Андрея. Было бы очень интересно, если бы
люди знающіе сообщили подробности объ
этомъ періодѣ*).

*) Ниже мы помѣщаемъ свѣденія другаго автора, подробнѣе
знакомящія съ этимъ періодомъ жизни Желябова.

Одесскій кружокъ, о которомъ я говорю, отличался очень хорошей, для своего времени, организаціей. Такъ напр. у нихъ введено было строго раздѣленіе труда и предположено вести агитацію не въ одномъ рабочемъ классѣ и между студентами, какъ, напр., было у Чайковцевъ, а вообще во всѣхъ народныхъ и общественныхъ сферахъ. Эти порядки заводилъ, разумѣлся, не молодой Желябовъ, а другой человѣкъ, уже пожилой и опытный, но во всякомъ случаѣ выходитъ, что Желябовъ сразу же попалъ въ лучшую политическую школу, чѣмъ большинство изъ насъ. Петербургскіе делегаты, возвращаясь изъ Одессы, не могли нахвалиться тамошними порядками и въ многомъ ставили ихъ себѣ образцомъ. Кружокъ просуществовалъ не долго и исчезъ въ погромахъ и движеніи 1874 г., разсѣявшись въ беспорядочныхъ толпахъ крестовцевъ, двинувшихся въ народъ. Но Желябовъ, раздѣляя общее увлеченіе, да и всегда по принципу признававшій огромную важность дѣятельности въ массахъ, тѣмъ не менѣе во многомъ обнаружилъ далеко незаурядную систему дѣйствій. *Политическій агитаторъ* рано сказался въ немъ. Такъ напр. онъ принималъ дѣятельно участіе въ организаціи